

— Что съ тобою сдѣлалось?... Галочка! Ты ли это такъ говоришь? продолжалъ Семенъ Ивановичъ, все болѣе и болѣе приходя въ недоумѣніе.

«Я, Галочка, дочь обывателя Алексѣя Таранца, простая дѣвка, напоминаю Семену Ивановичу, что онъ дворянинъ, панъ, поручикъ... ему не прилично и думать такъ.»

— Такъ-то ты меня любишь? Такъ ли ты вотъ-теперь увѣряла?...

«И умирая буду тоже говорить... Ахъ! видить Богъ, какъ крѣпко я люблю васъ и буду любить навѣкъ!»

— Когда же такъ любишь, почему не хочешь итти за меня?

«Потому не иду, что люблю васъ крѣпко; мѣры нѣтъ, какъ люблю, пламенно люблю!»

— Почему же не хочешь своего и моего счастья?

«Мое счастье въ моемъ сердцѣ... Желая сильно, чтобъ вы были счастливы, я не хочу и слышать словъ вашихъ.»

— Когда ты желаешь мнѣ счастья, почему не хочешь выйти за меня?

«Чтобъ не погубить васъ навѣкъ; чтобъ не *завязать вамъ свѣта* (не отнять у васъ радостей свѣта)... Семенъ Ивановичъ! я вамъ неровня!...»

— Не говори мнѣ того. Любовь равняетъ всѣхъ.

«Можетъ и такъ, если мы будемъ жить одинъ для другаго.... но этаго не можно сдѣлать!... О моей участи, о моемъ счастіи вы не вспоминайте; я ихъ похоронила; все умереть для меня!... будемъ говорить о васъ. Я не знаю, какъ въ свѣтъ, между панами, все прочее идетъ; но знаю навѣрное то, что вездѣ, всѣ будутъ спрашивать про вашу жену: откуда и кто она такая?... Пускай вы, любя меня, и не постыдитесь сказать прямо: «она мужичка!» Но каково будетъ вамъ тогда? Всѣ будутъ надъ вами смѣяться, всѣ осуждать, винить, будутъ удаляться отъ васъ, что у васъ отъ жены вся родня мужики.»

— Что мнѣ за дѣло? я не посмотрю ни на кого!

«Такъ они будутъ смотрѣть на васъ. Попрекамъ и насмѣшкамъ конца не будетъ. Не перенесете, спохватитесь.... рады бы поправить, но уже невозможно будетъ. Вотъ и возненавидите меня и....»

— Галочка! этаго никогда не можетъ быть! Пускай меня засмѣютъ, разпнутъ, растерзаютъ: я никогда не перестану любить тебя!

«Но я же не каменная! Не уже ли мнѣ легко будетъ видѣть, что отъ меня и за меня вы будете страдать; и я, все видѣвши, могу ли жить? Также умру, какъ и тогда, какъ вы перестанете любить меня. Да я о себѣ и не занимаюсь. Какъ хотите, меня перерядите, научите всему приличному для пани, но натуры, привычекъ не передѣлаете, все будетъ видно, что я коренная мужичка. Куда явитесь со мною, вездѣ меня засмѣютъ; каково вамъ тогда?...»

— Я всѣхъ брошу, отстану отъ людей; ты мнѣ только....

«Не такъ, Семенъ Ивановичъ! Вы умнѣе меня во сто разъ, и вы знаете, что этаго не можно и не должно дѣлать. Вы знаете Бога и законъ его; вы знаете, что грѣхъ жить на свѣтѣ, не дѣлая ничего. Каждый, кто можетъ, служить въ арміи, кто въ судѣ, кто торгуетъ, кто хлѣбъ работаетъ, и каждый долженъ жить для всѣхъ, для дѣла, для общей пользы. Вамъ и скучно будетъ безъ дѣла, и увидѣвши, что грѣхъ жить праздно, желали бы возвратиться въ свѣтъ, между людей, но я вамъ камень на шею!»

— Такъ этакъ-то, Галочка, ты меня любишь?— Не имѣя, что болѣе сказать, Семенъ Ивановичъ упрекалъ ее.

«Боже праведный! Чѣмъ мнѣ еще больше васъ увѣрить, какъ я васъ люблю? Не уже ли вы неви-
**

дите силы моей любви, что я, дабы отвратить отъ васъ всякое горе, иду на видимую смерть? Разлучиться съ вами, смерть для меня! И это вамъ ничего?»

— Такъ не разлучимся, будемъ жить вмѣстѣ.

«Если бы я васъ, Семенъ Ивановичъ, любила такъ, легко; такъ чего бѣ мнѣ и желать собственно для себя? Я, изъ мужички, дѣлаюсь барынею, мужъ у меня молодой, красивъ — какъ нарисованный; хотя на мѣсяцъ, я потщеславилась бы, а потомъ, чтобъ съ нимъ ни случилось, хотя бы пострадалъ чрезъ меня, хотя бы и оставилъ меня, мнѣ все равно было бы. Онъ отъ меня, я отъ него; собственнаго имущества и у меня много; не говори мнѣ никто ничего, я благородная!... Такъ я же васъ не такъ люблю! Волосъ ли съ васъ падетъ, а у меня сердце разорвется; вамъ бѣда только приходитъ будетъ, а я буду страдать! И потому-то лучше хочу цѣлый вѣкъ мучиться, горе терпѣть, всякія муки перенести, лишь бы маленькую бѣду отвести отъ васъ!... Нѣтъ у меня другаго желанія, какъ ваше спокойство, счастье; нѣтъ у меня мысли, жизни, все вы. Чрезъ васъ, для васъ и вами только живу!...»

— Ты наибольшую бѣду мнѣ дѣлаешь, ты губишь меня.... ты ножъ мнѣ въ сердце вонзаешь...!

«Не уже ли мнѣ легче? Несчастная моя участі, что я родилась въ простомъ состояніи! Конечно, если бы я была барышнею, я бы и тогда васъ такъ горячо любила бы....»

— Все равно. Я говорю тебѣ, все равно; всѣ мы Божіе созданіе!...

«Такъ, конечно, Божіе созданіе; но что-то мнѣ кажется, что вы не такъ понимаете, какъ оно есть. Не одинаковы звѣздочки на небесахъ; не одинаковы и деревья въ садахъ. Вишенка не будетъ цвѣсти яблоневымъ цвѣтомъ: ей свой листъ и свой цвѣтъ. Береза не приметъ липовыхъ листочковъ. Соловей не изберетъ самочки, какъ только своего рода. Всему свой законъ, а человѣку еще и больше того.»

— Для чего же ты прежде о томъ не подумала? Зачѣмъ меня полюбила?

«И не жалю, что такъ сильно полюбила такого отличнаго, разумнаго и съ доброю душою человѣка. Счастіе мое, что я васъ узнала, а не кого другаго.... но нѣтъ! я другаго и не полюбила бы. Велико и мое счастіе, что вы полюбили меня. Вы мнѣ какъ будто свѣтъ открыли. Безъ вашей любви я погибла бы. Не ужели же намъ не можно любить другъ друга безъ всякихъ горестныхъ послѣдствій? Будемъ любить одинъ другаго, какъ братъ и сестра. Будемъ

всегда вмѣстѣ и будемъ счастливы; когда же вамъ надобно будетъ куда отлучиться, я буду знать, что вы и за моремъ будете обо мнѣ также скучать, какъ и я о васъ. Возвратитесь?... какъ мы тогда обрадуемся!... Ахъ, Семенъ Ивановичъ! какая это жизнь будетъ! — Бѣдности не будемъ знать, панъ-отца моего будемъ почитать; люди будутъ почитать васъ также, какъ и теперь; никто васъ ни въ чемъ не обвинить, ничѣмъ насъ не укорить; если вы будете счастливы, я отъ радости буду безъ души, что такой человѣкъ такъ крѣпко и благородно любитъ меня, дѣвку простую, необразованную, только тѣмъ немного стоющую такой любви, что любить васъ выше всего на свѣтѣ!... Семенъ Ивановичъ! нашему счастью люди позавидуютъ, Ангелы Божіи порадуются, потому-что наша любовь будетъ чиста, свята, безъ всякихъ дурныхъ помысловъ.... Любите меня такъ, то я и вы будемъ весь вѣкъ счастливы!» И съ симъ словомъ бросилась къ нему и обняла его крѣпко, обливая горькими слезами....

— Не можно, Галочка.... не можно, моя рыбочка, звѣздочка моя!... Не умѣю всего изъяснить тебѣ, что у меня на мысли!... Вотъ же кетати панъ-отецъ пріѣхалъ; буду его просить. Онъ меня послушаетъ. Тогда что, Галочка?

«И я скажу ему свое, пусть разсудить....»

И разошлись порознь, отирая слезы, наплакавшись порядочно.

Старикъ вошелъ въ хату, помолился, взглянулъ на нихъ — и замѣтилъ, что тутъ что-то произошло. Раздѣлся, сѣлъ, и не требуетъ ничего, обѣдать ли, или что другое. Галочка стоитъ подлѣ печи, и ни съ мѣста! наклонила головку и смотритъ.... на свои красныя сафьянныя башмачки.... и не бросается, что бы чѣмъ услужить отцу. Боится уйти изъ хаты, чтобы безъ нея Семенъ Ивановичъ не разсказалъ всего панъ-отцу, а тотъ, чтобы не рѣшилъ ея участи на вѣчную горестъ....

Молча поглядывалъ на нихъ Алексѣй довольно долго, наконецъ рѣшился сказать: Вы что-то себя-такіе чудные? Какъ будто чего плакали. Одинъ считаетъ стекла въ окнѣ, а другая песчинки на полу. А? А я, какъ отецъ, чтобы не помѣшалъ вамъ въ чемъ, я не долженъ знать ничего, и потому мнѣ никто ничего не говорить. А? Можетъ и такъ; но смотрите, чтобы послѣ на себя не жаловались!...

Выслушавши такой упрекъ, Семенъ Ивановичъ бросился къ Алексѣю, обнялъ его и сталъ разсказывать, какъ впервые увидѣлъ Галочку и замѣтилъ ее; какъ далѣе-далѣе полюбилъ, и какъ теперь любить ее... И какъ сладко говорилъ! Всю свою душу, сердце свое, мысли и намѣренія, все разсказалъ подробно,

какъ и Галочкѣ не могъ разсказать. Галочка, слушая его, горько плакала. Потомъ Семенъ Ивановичъ сказалъ: «Вотъ такъ ее люблю, такъ буду любить повѣкъ! Не могу жить безъ нея! Алексѣй Петровичъ! отдай мнѣ ее для радости, утѣхи, вѣчнаго счастья моего! Хочешь, я выйду въ отставку, буду жить у тебя; хочешь, ко мнѣ переѣдемъ, будемъ также жить вмѣстѣ, буду тебя уважать, покоить....» и много подобнаго говорилъ и просилъ о согласіи.

Алексѣй все слушалъ молча, и ни разу не взглянулъ на Галочку. А она, сердечная! блѣдная-блѣдная! руки сцѣпила, сердце бьется сильно, душа боится, и все тѣло трепещетъ, думая: «Вотъ панъ-отецъ велитъ согласиться.... пропала я тогда!...»

Помолчавши, Алексѣй сказалъ: «Знаю, что вы имѣете честную душу, и что ни говорите, все это справедливо. Вы не рѣшитесь погубить дѣвку и еще любящую васъ. Вѣрю вамъ, что вы такъ точно полюбили мою дочь. Какъ бы я былъ другой отецъ, то, можетъ, и обрадовался бы, что мое дитя, мое рожденіе, будетъ благородная, и родъ мой будетъ пановатъ. Но я такъ положилъ: кого Галочка сама изберетъ, за кого пожелаетъ вытти, тотъ и будетъ мой зять. И теперь я противъ ея воли не пойду. Увѣряю васъ, Семенъ Ивановичъ, что она мнѣ про васъ еще ничего не говорила. Я самъ только со вчерашняго дня примѣтилъ, что между вами произошло что-то, но и не

спрашивалъ ея, зная ея откровенность, что въ важномъ случаѣ она мнѣ все скажетъ. Пускай же—примолвилъ Алексѣй усмѣхнувшись — такъ и будетъ, какъ Галочка вѣрно вамъ уже сказала.»

— Бѣда же моя, когда ты, пань-отче, сдаешься на Галочку! сказалъ Семенъ Ивановичъ, ударивши рукою по головѣ себя....

«А что? Видно разсудила по своему?»

— Она мнѣ много наговорила, но все не резонно. Чего человѣкъ не хочетъ, такъ найдетъ, чѣмъ отклонить отъ себя....

«Э, пѣтъ же, Семенъ Ивановичъ, не гнѣвите Бога!» отозвалась Галочка, рыдая у печи: «Вотъ тутъ посреди насъ Богъ милосердый, тутъ мой таточка родненькій, кого я, послѣ Бога, перваго обожая, такъ тутъ я скажу, а въ такой часъ неправды не могу сказать; пускай въ первый разъ отъ меня услышитъ мой пань-отецъ, что я никого не любила; васъ, Семенъ Ивановичъ, полюбила, и люблю точно такъ же, какъ и вы рассказываете, что любите меня. И если бы я была вамъ ровня, я бы съ-разу, не думавши, кинулась къ своему счастью; а то....»

— А что же это то? спросилъ Алексѣй: говори,

доня, все, что знаешь; я послушаю и разсужу, къ дѣлу ли твои рѣчи?

Тутъ уже Галочка принялась говорить, а Семень Ивановичъ сталъ поодаль — и нечего скрывать — чистенько утиралъ слёзы.

Пересказала Галочка отцу все то, что и Семену Ивановичу говорила, зачѣмъ и почему ей не можно итти за него; и если такъ любить ее, такъ и самъ не захочетъ, чтобъ она чрезъ него страдала.

Выслушавши все, Алексѣй поцаловалъ ее въ голову и сказалъ: «Доня! милое мое дитя! Я зналъ тебя и не боялся ничего. Теперь иди къ себѣ въ свѣтлицу; мнѣ нужно съ Семеномъ Ивановичемъ переговорить посвоему, какъ есть я отецъ своему дитяти. Ты знаешь меня, Галочка, то и не тревожься ни о чемъ.»

Въ полной увѣренности на отца Галочка вышла изъ хаты.

«Семень Ивановичъ!» сказалъ старикъ: «Какъ Галочка, любя васъ, души въ себѣ не слышитъ, такъ она о васъ только и заботится, а о себѣ и не помышляетъ. Но я, будучи ей отецъ, долженъ объ ней и о себѣ подумать. Положимъ, что она выйдетъ за васъ, но не пройдетъ мѣсяць-другой, какъ мы увидимъ ее на столѣ!...»

— Отъ чего же такъ? спросилъ Семень Ивановичъ: я буду оберегать ее; пылинкѣ не дамъ пасть на нее, ото всего защищу ее....

«Вы? такъ. Вы будете ее любить и уважать. Но люди съѣдятъ ее своими языками! Она у нихъ изъ мужичекъ не будетъ выходить. И такъ и сякъ, и черезъ то и потому онъ женился на ней; навязалась на него.... должно было покрыть грѣхъ!... А вы, Семень Ивановичъ, грамотные, знаете все, знаете, какъ человѣку тяжело терпѣть и переносить худую славу безвинно! Знаете и то, что когда хоть крошечка дурной славы пройдетъ про человѣка, такъ онъ и чрезъ цѣлый вѣкъ не избавится отъ нея. Въ женскомъ же полѣ еще и горше. Каково же будетъ моему дитяти, которая такъ чиста и непорочна какъ голубица, а ее сегодня пожемъ въ сердце, завтра въ ту же язву!... На долго ли станетъ ея?....» и всплакнулъ горькій старецъ.

—Мы сами отречемся отъ людей: будемъ жить одинъ для другаго, не будемъ знать никого! Такая жизнь самая благочестивая, святая, счастливая!...

«Правда ваша. Будете жить въ любви и въ счастіи.... Богъ благословитъ васъ дѣточками такими, какъ я былъ награжденъ дочерью, на новую вамъ радость и на утѣшеніе.... Но тутъ, вмѣсто того, чтобъ матери—я ничего не говорю о васъ, а только

про мое рожденіе—матери бы веселиться и утѣшаться дѣточками, имъ нигдѣ отъ языковъ людскихъ покою не будетъ. Всѣ будутъ на нихъ указывать пальцами, всѣ зашикають: «ихъ мать мужичьяго рода, нищая, и вся родня такая и сякая; таковы же и дѣти будутъ....» Всѣ будутъ отъ нихъ удаляться, пренебрегать, упрекать въ томъ, въ чемъ они и не виновны.... А каково это будетъ для матери? Ими, славою ихъ, она живетъ; она готова на всякую муку, всё перенесетъ, душу свою отдастъ, лишь бы имъ было хорошо!... О Семенъ Ивановичъ! Вы не знаете, что дѣти для родителей!... А въ хозяйствѣ вашемъ, подданные ваши, вмѣсто того, чтобъ уважать ее, повиноваться, они будутъ упрекать ее, что и она такая же мужичка, какъ и они....»

— О нѣтъ! Я этаго не потерплю.... строго прикажу, чтобы....

«И что пользы по приказу? Когда человекъ самъ собою не пріобрѣтетъ уваженія, такъ хоть и не приказывай! Въ глаза будутъ уважать, а за глаза проклинаать. Достанется и мнѣ на старости: я буду имъ какъ бѣльмо въ глазъ. Какъ хотите, а подъ часъ и вы постыдитесь уважить меня, какъ тестя, при людяхъ! Галочка за этимъ будетъ пристальнѣе наблюдать нежели я, и все замѣтитъ. Она моя кровь. Черезъ мое униженіе, черезъ людскіе упреки, чрезъ непорядки въ хозяйствѣ, черезъ дѣтскій за нее стыдъ, и не

очувствуемся, какъ она, моя голубочка! ляжетъ въ сырую землю!... Не будетъ, сердечная, знать счастья и спокойства въ замужствѣ, не будетъ утѣшаться дѣточками; въ горѣ, въ слезахъ, въ тоскѣ угаснетъ какъ свѣчка!... И если бы безъ вины: а если же, въ такомъ дѣлѣ, каково есть неравный бракъ, да, быть можетъ, заключается грѣхъ?»

— Эхъ, Алексій Петровичъ! Передъ Богомъ всѣ равны!

«Такъ; равны по дѣламъ своимъ, какъ явимся туда. Тутъ же намъ должно знать, что то есть начальство. Каково бы было безъ него?»

— Безъ начальства же и не можно; и благо намъ за нимъ. А что люди, такъ всѣ братья и слѣдовательно равны.

«Охъ, что вы это говорите? Я просто читать умѣю, а такъ начитываю и понимаю, что еще съ начала вѣка, отъ самаго Адама, уже были благородные и простые.»

— Гдѣ это ты, Петровичъ, начиталъ? усмѣхнувшись спросилъ Семенъ Ивановичъ.

«Нигдѣ же, какъ въ св. Библии. Вѣдь помните, что потомки Сифа, сына Адамова, звались сынами Божіими, а Каиновъ родъ сынами человеческими.

Хотя оно и не то, что благородные и простые, какъ мы теперь раздѣляемъ, но все одни лучшіе, а другіе пониже. Съ тѣхъ-то временъ такъ и пошло. Когда же начали мѣшаться сыны Сифовы съ родомъ Каиновымъ, вотъ и умножились на землѣ грѣхи до нѣсть конца и до того, что Богъ истребилъ всѣхъ водою. Читаемъ же и далѣе, что святымъ мужамъ повѣлялось всегда брать женъ изъ своего рода, а отнюдь не изъ чужаго. И у Іудеевъ одно колено было лучшее передъ прочими; и часто, въ Библии-же, поминается «людіе и народъ.» Такъ вотъ видите, есть различіе. И если бы это было не отъ Бога, а отъ гордости сильныхъ, то давно бы Богъ, противящійся гордымъ, истребилъ и искоренилъ панство. Все это видѣвши, какъ мнѣ пойти противъ закона и порядка, отъ Бога даннаго, и въ вашъ родъ, благородный, отдать свое дитя, рожденное въ простотѣ и мужичествѣ? Не будетъ благословенія Божіяго! А я не хочу этаго ни Галочкѣ, ни всему потомству моему, если Богъ благословитъ меня имъ.»

Много такого они говорили и долго спорили между собою, то изъ писанія, то и своими словами, и все-таки Семенъ Ивановичъ не убѣдилъ Алексѣя — на чемъ въ тотъ день такъ и осталось. Всѣ были вмѣстѣ, говорили между собою свободно и пріятно... Когда же Алексѣй выходилъ куда, то Семенъ Ивановичъ, лаская Галочку, просилъ, чтобъ перемѣнила свои мысли и вышла бы за него; но она все держа-

лась своего и, плача, умоляла его не вспоминать больше о томъ.

«Хорошо!» сказалъ Семенъ Ивановичъ, уже передъ свѣтомъ, проходивши всю ночь по своей комнатѣ и все думая, да придумывая, какъ-бы поставить на своемъ? «Хорошо, говоритъ, сдѣлаю такъ. Увижу, чѣмъ будетъ тогда отговариваться?» И спалъ ли, не спалъ въ ту ночь, а утромъ рано онъ уже и у Галочки.

Лаская ее, сказалъ, что, получивъ дозволеніе отъ начальства, ѣдетъ завтра къ себѣ, въ Прилуки.

«На долго же?» встревожась спросила Галочка.

— Такъ-что недѣли двѣ или три проѣзжу. Не близко отсюда.

«Зачѣмъ же вы поѣдете?»

— Дѣло есть.

«Галочка! сказалъ Семенъ Ивановичъ, поцаловавъ ее крѣпко:» Не уже ли ты думаешь, что я только такъ, безо всего, поговорилъ съ тобою и съ твоимъ отцемъ о счастіи моемъ, и выслушавши, что вы мнѣ говорили, согласился съ вами и оставилъ свое намѣреніе? Это бы мнѣ лучше живому лечь въ

землю! Нѣтъ, я такъ не оставлю. Поѣду домой, возьму отъ брата и отъ всѣхъ родныхъ такую бумагу, что они не только позволяютъ, но еще и просятъ меня, чтобъ я женился на.... обы....вательской дочери.

— Говорите, Семень Ивановичъ, прямо: «на мужичкѣ.» Эге! видите? уже вы и безо всего стыдитесь сказать, что женитесь на мужичкѣ!

«Нѣтъ, душка»... это не то.... продолжалъ Семень Ивановичъ, но ясно видно было, что его смѣшало Галочкино замѣчаніе. Вотъ, взявши такія бумаги, возьму и отъ духовныхъ листъ, что нѣтъ грѣха жениться «на неравной» какъ твой отецъ говорить. Возвратясь, буду просить своихъ начальниковъ, чтобъ уговорили твоего панъ-отца и попрошу здѣшняго протопопа, чтобы поговорилъ съ нимъ изъ писанія.»

Выслушавши это, Галочка какъ будто помертвѣла! Подняла свои глазки, полные слезъ, къ Богу, тяжело вздохнула и сказала: «вы-таки все свое!»

«И умру съ тѣмъ, и таки-доведу конецъ по своему желанію!»

— Не знаю! тихо и грустно проговорила Галочка.... Во весь тотъ день она крѣпко тосковала и

не мѣшала Семену Ивановичу пересказывать Алексѣю, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ свой край.

Алексѣй же, выслушавши все, сказалъ: «Увижу, что вашъ братъ и родные скажутъ. Послушаю, какъ разсудить и духовный чинъ. Тогда скажу свое последнее слово — и дѣлайте, какъ знаете!»

Услышавши это, Галочка поспѣшила въ свою комнату, ломая руки.

Во весь тотъ день Галочка крѣпко горевала: все сидитъ противъ Семена Ивановича, быстро смотритъ на него, а того, о чемъ говорить, она и не слышитъ. Долго смотря на него, когда—видно—станетъ ей на сердце очень тяжело, то она выбѣжитъ въ комнату — и ужасъ какъ плачетъ....

Настало время прощаться.... Галочка — и мѣрять, какъ плакала! — цаловала его, прижимала къ себѣ, хочетъ что-то сказать, но за слезами не можетъ выговорить слова.

Алексѣй, сложа руки, смотритъ на это, а слезы съ глазъ такъ и льются....

Семенъ Ивановичъ, надѣясь скоро возвратиться и все устроить по желанію, хотя вовсе не съ грустью разставался, но не могъ удержаться отъ слезъ. Ца-

луеть еѡ и все просить, чтобы она не грустила, что онъ скоро возвратится и привезетъ общее ихъ счастье.

Уже совсѣмъ распрощались. Уже Семенъ Ивановичъ вышелъ изъ хаты, и Алексѣй пошелъ провожать его.... какъ вотъ Галочка крикнула: воротитесь еще, Семенъ Ива....

И уже онъ въ хатѣ, и бросился къ Галочкѣ.... она обняла его, цалуетъ и силится говорить: въ послѣднее.... но слезы залили слова!...

«Въ послѣднее цалую васъ!» такъ говорила Галочка: въ послѣднее прощаюсь съ своимъ счастьемъ!.. Мнѣ уже не можно будетъ и этого слова сказать!... Не забывайте меня!... Не забывайте, какъ я сильно любила васъ, и отъ такой любви что для вашего счастья сдѣлала.... Благодарю васъ, что и вы меня любили!... что вы дали знать счастье на семь свѣтъ!... Прощайте навѣкъ!...

Тутъ она отпустила его; тихо, едва переступая, пошла въ комнату и упала предъ образомъ.... Какъ же услышала, что въ послѣдній разъ затворили за нимъ дверь, въ послѣдній разъ слышала его голосъ, то и зарыдала!... Душу свою готова была выплакать.

«Встань, доненька, встань!... не плачь, не горюй, не убивайся такъ!... Когда точно такъ крѣпко

любишь его, такъ что же? иди уже за него... Я, хотя уже и къ ночи, я самъ пойду и приведу его, не разрывайте своихъ сердецъ!... Можетъ... найдете свое счастье.»

— Пускай завтра, таточка, обо всемъ поговорю съ вами.

Назавтра Галочка вошла къ отцу... Господи, блѣдна какъ смерть!... Кровинки нѣтъ въ тѣхъ щечкахъ, что, до сего времени, какъ розы алѣли; глазки ея покраснѣли, распухли... видно было, что всю ночь плакала; а сама... такъ отъ вѣтра и валится!...

Увидѣвши ее, Алексѣй испугался... «Доня, моя милая!» началъ говорить цалуя ее: «утѣха моя, Галочка несчастная! ты, страдая такъ, раздираешь мое сердце!... Каково мнѣ видѣть, что ты сама себя живую въ гробъ кладешь... И я не спалъ всю ночь, и плакалъ о тебѣ и о нашемъ Семенѣ Ивановичѣ... жалко мнѣ его! Раздумавши все, потомъ помолясь Богу, рѣшился, что будетъ—то будетъ; не буду васъ разлучать. Всякій грѣхъ возьму на свою душу... самъ пострадаю, а не отниму вашего счастья... и съ сею мыслию послалъ работника за нимъ, чтобы скорѣе ѣхалъ сюда...»

Галочка такъ и задрожала и быстро спросила: что же?—

Лиха година! работникъ уже не засталъ его; чуть свѣтъ онъ уже выѣхалъ; такъ сказалъ деньщикъ его.

— Мнѣ легче стало! сказала Галочка отдохнувши. Нѣтъ, таточка-голубчикъ! Не дѣлайте этого, не губите меня вовсе, и не берите грѣха на душу свою. Не безпокойтесь обо мнѣ; мнѣ тяжело только въ это время; пройдетъ все. Теперь, панъ-отченко, отпустите меня въ Хорошевскій монастырь; я тамъ проживу до воскресенія, и потомъ уже буду просить исполнить послѣднюю мою волю....

«Что хочешь, то и дѣлай, доня; побѣжай, куда хочешь: ни въ чемъ тебѣ не запрещаю, лишь бы ты перестала такъ терзаться.»

— Перестану, таточка, и когда станеть у меня силы, когда совладѣю съ моимъ сердцемъ и исполню мое намѣреніе, тогда не увидите вы моей скорби...

Собралъ Алексѣй ее и отправилъ въ монастырь къ знакомымъ монахинямъ. Она тамъ молилась, отговѣла, совѣтовалась съ монахинями, могущими наставить ее. Тотчасъ съ воскресенія она и возвратилась домой. Видитъ Алексѣй, что она, какъ будто сдѣлалась бодрѣе.... Смутна, очень смутна! Иногда какъ задумается, такъ будто и не помнить ничего;

сидить, молчить и все руки ломаетъ; но по лицу ея замѣтно было, что она имѣетъ какое-то намѣреніе, но не рѣшится сказать отцу.... А иногда, но рѣдко, будто и разсѣется, заглянетъ по хозяйству и кое-за-чѣмъ присмотритъ, но все это не надолго....

Утромъ, во вторникъ, вошелъ Алексѣй въ хату и сѣлъ читать Четь-Минею. Галочка, прилежно помолясь Богу, вышла изъ комнаты къ отцу, идетъ... и насилу ноги передвигаетъ.... и пала къ ногамъ отцовскимъ.

«Спаси меня, таточка-голубчикъ!» даже закричала Галочка, заливаясь слезами: «не дай мнѣ совсѣмъ погибнуть!»

— Что такое?... что, моя донечка? бросился Алексѣй, поднимаетъ ее и удивляясь, что это съ нею: встань, говоритъ, моя крошечка, моя лебедочка!

«Не встану, панъ-отченко, пока ты меня не утѣшишь, не обрадуешь меня, увѣривъ, что сдѣлаешь то, о чемъ я въ послѣдній разъ тебя буду просить».

— Все, все сдѣлаю, моя звѣздочка! Не уже ли ты меня не знаешь, что я душу свою готовъ за тебя положить?

«Спасибо тебѣ, мой таточка родненькій! Не откажи и теперь....» и привстала на колѣна, и начала цаловать его руки: «Панъ-отченко, голубчикъ!... Отдай.... меня замужъ!...»

— Хорошо, моя донечка! Насилу же ты надумалась! Я и самъ хотѣлъ просить тебя о томъ. Вотъ онъ уже скоро и возвратится; или лучше, наймемъ кого и пошлемъ къ нему, чтобъ поспѣшалъ....

«Нѣтъ, панъ-отченко! Скрой меня отъ этой бѣды!.. Отдай меня, только не за него!...»

— За кого же тебя, доня, отдать?

«За кого хочешь, за кого вздумаешь, таточка! лишь бы не за него. Поспѣши родненькій, пока онъ не пріѣхалъ!...»

— Что это ты, Галочка, надумала? Встань и сядь подлѣ меня, прилягъ къ моему сердцу и раскрой мнѣ свою душу: что это за мысль у тебя?

«А вотъ, таточка, какую мысль мнѣ, не кто, какъ Богъ послалъ. Вотъ-вотъ онъ возвратится, пристанетъ не ко мнѣ, а къ вамъ; пригласитъ начальниковъ своихъ; а они, что имъ за дѣло до чужой участи? лишь бы услужить ему, станутъ васъ уговаривать, упра-

шивать; перемѣнять ваши мысли о счастьи моемъ. Вы прикажете мнѣ итти, а тутъ еще и мое сердце сговорится съ вами, и я выйду за него!... И тѣмъ погублю навсегда того, за кого бы я отдала послѣднюю каплю крови, и чтобы доставить ему покойную и счастливую жизнь, готова перенести всѣ мученія! Мысль, что я, вышедши за него, буду причиною всѣхъ бѣдъ его, убиваетъ меня!... Такъ, чтобы положить одинъ конецъ, отдайте меня, таточка, за-мужъ. Онъ увидитъ тогда, что все кончено, самъ одумается и... найдетъ свое счастье!...

— Будешь ли ты, доня моя, счастлива съ кѣмъ другимъ? Не погубишь ли ты себя, отдавшись не-любѣ — и еще цѣлый вѣкъ жить съ нимъ!

«И! уже мое счастье! Все равно мнѣ бѣдствовать! За кого бы я ни вышла; кромѣ него всякъ мнѣ нелюбъ!... Онъ будетъ свободенъ, счастливъ.... чрезъ то облегчится мое горе! Для него все перенесу!»...

—Но ты тѣмъ сократишь свой вѣкъ?

«Теперь мнѣ очень-очень тяжело!... Но когда все исполнится, я надѣюсь, что.... Таточка! я говѣла, я молилась; сдается мнѣ, что я дѣлаю хорошо, исполняю свой долгъ.... Меня Богъ не оставитъ; я еще утѣшу тебя собою въ старости твоей!...»

Долго они объ этомъ говорили.... и что-то, какъ люди съ разсудкомъ! подумали, посоветовались, обсудили дѣло со всѣхъ сторонъ, и положили, что точно Галочкѣ, чтобъ не отяготить чужой судьбы, должно вытти за ровню — «а то въ самомъ дѣлѣ» сказалъ Алексѣй: «я не вытерплю, переменяю свои мысли и буду приставать къ тебѣ.... потому-что крѣпко хорошій человекъ!... Охъ, какъ мнѣ жаль его!»

— Потому-то и должно поспѣшать окончаніемъ моего намѣренія; а то, какъ онъ вдругъ пріѣдетъ.... тогда пропала я!...

«За кого же тебя, душка, отдать? Выбирай сама: ты знаешь всѣхъ жениховъ, которые вотъ и недавно засылали сватовъ; скажи, кого? тотчасъ пошлю и такую свадьбу отгуляю, что ну! Такъ поспразднуемъ, чтобъ никакая туга не отозвалась ни у меня, ни у тебя!»

— Не хочу я, панъ-отченко, ни за кого изъ тѣхъ жениховъ. Они пышные, богатые, будутъ умничать. Въ первые годы, пока я осмотрюсь, тяжело будетъ моему сердцу! а они не дадутъ мнѣ воли и наплакаться о моей долѣ!... Не знаешь ли, таточка, какого свроты, бѣднаго? Прійми его вмѣсто сына, отдай ему наше имущество и меня несчастную!... За то добро, что мы ему доставимъ, онъ будетъ насъ уважать

и все уже не такъ будетъ властвовать надо мною....
Найди такого, приведи и скажи мнѣ: «вотъ твой
мужъ!» и я поклонюсь тебѣ въ ноги!...

Долго думалъ Алексѣй, гдѣ найти человѣка,
приличнаго ихъ положенію; потомъ сказалъ: «доня,
Галочка! когда такъ.... иди за Николу!»

— Хорошо, панъ-отченко! скоро, рѣшительно от-
вѣчала Галочка.... и словно льду кусокъ упалъ на
ея сердце!... Она сказала роковое слово.... рѣшила
навсегда участь свою!... прервала всѣ связи съ сча-
стіемъ, радостями, спокойствіемъ, съ самою жизнью!...
Кто же это Никола? спросила она потомъ разсѣян-
но, безъ особаго вниманія.

«Никола круглый сирота, честнаго, хорошаго
рода, только бѣдность такая, что и не было и нѣтъ
ничего. Я, видѣвши, что онъ парень смѣтливый, рабо-
тящій, всему расчетъ знаетъ, переговорилъ его отъ
купцовъ къ себѣ, когда ему былъ только пятнадца-
тый годъ и обѣщалъ наградить его. И какой же па-
рень удался? За всѣхъ все сработаетъ, никогда не за-
лѣнитъ; хозяйское добро, какъ глаза, бережетъ; и
спасибо ему, много приберегъ и сохранилъ моего!
Куда надо, я его посылаю съ товаромъ своимъ; все
кончить наилучше и во всемъ дать отчетъ. Какъ у
купцовъ бываетъ прикащикъ, такъ онъ у меня: моя

правая рука. И товарищи уважають его: иногда, знаешь, бываетъ между ними споръ, несогласіе; онъ все разберетъ и разсудитъ по всей справедливости. Притомъ же онъ и собою видный, статный, ловкій и красивъ....

«Ахъ, таточка!... Мнѣ этаго и не говори!...»

— Такъ, когда такъ, доня, такъ и такъ! Когда уже твердо рѣшилась итти за кого-нибудь, такъ выходи за Николу.

«Пойду, таточка.... съ великою радостью!.... Сдѣлай же милость, панъ-отченко, поспѣшай и кончи все скорѣе! Если бы можно, чтобъ сегодня же насъ и обвѣнчали....»

— Какъ это можно? Хотя бы успѣть въ воскресенье....

«Пріѣдетъ, таточка, пріѣдетъ!» вскричала Галочка, ломая руки: и все мое пропало тогда!...

— Что же дѣлать! надо приготовиться....

«Чего тутъ приготовляться? До танцовъ ли и плясокъ тутъ? Лишь бы въ законъ войти. Мое дѣло сиротское.... а то, чтобъ за сборами вы мнѣ не надѣлали горшаго лиха.»

Долго совѣтовались; и дочь выплакала-таки у отца, чтобъ завтра вѣнчаться, и чтобъ не было никакихъ церемоній по обычаю. Галочка говорила: онъ сирота, и я также; чего же разбирать? Попросимъ самыхъ старыхъ *родичей*, вы насъ поблагословите, обвинчаемся; что Богъ дастъ, пообѣдаютъ; гостей попотчиваете, чѣмъ пожелаете, отпустите ихъ. Это веселіе (свадьба) тѣ же похороны!

Какъ дочь напросила, такъ отецъ и рѣшился.

— Надо же, сказалъ Алексѣй, покликать жениха.

«Покличьте, таточка! Когда начали, то и оканчивайте.

Старикъ самъ пошелъ за Николею и выходя сказалъ: Ожидалъ ли онъ себѣ такого счастья?... И я... ожидалъ ли такой доли своему дитяти?...

Оставшіяся одна въ хатѣ, Галочка вздрогнула... и сказала: «Теперь, Семенъ Ивановичъ, прощай на вѣчные вѣки!... Вотъ, какъ сильно я любила тебя, что топлю свою молодость, *дѣвovanje*, иду на вѣчныя слезы, на тугу, на всѣ мученія души, лишь бы отъ тебя отвести малѣйшую бѣду!... Не говорю тебѣ: люби меня! не можно... это противъ закону; но вспо-

минай обо мнѣ, оцѣни, что я сдѣлала для тебя.... и какъ умѣешь, будь мнѣ благодаренъ!... Уже настаетъ година, что и вспомнить мнѣ тебя будетъ грѣхъ!... Прощай, мой миленькій!...

Платочекъ, что держала въ рукахъ, весь смочила своими горькими, кровавыми слезами!

Теперь, опять сказала, все кончено!... Закрылся для меня бѣлый свѣтъ! и начала молиться Богу, кладя земные поклоны, чтобы Богъ послалъ ей силы перенести эту годину, перемочь свое сердце, исполнить законъ.... а тамъ!...

То плача, то клавши поклоны, разкраснѣлась Галочка.... и какъ она была хороша!... Вотъ какъ румяная заря догораетъ, а тутъ застилаютъ ее черныя тучи, и она какъ будто спѣшитъ красоваться и веселить міръ Божій, что отодвинулъ бы тѣ мрачныя тучи и все бы смотрѣлъ на эту зарю. Такъ была и Галочка тогда!... Чего бы не сдѣлалъ, чего бы не отдалъ, чтобы только она была счастлива!...

Вошелъ Алексѣй съ Николюю. Галочка стоитъ при концѣ стола.... и не глянула на своего суженаго... она отцовыхъ работниковъ вовсе никого не знала. Чего же ей было теперь смотрѣть на него и разсмат-

ривать, каковъ собою тотъ, съ кѣмъ тяжкая, горькая доля привела жить весь вѣкъ!

Алексѣй, сѣвши на лавкѣ, подумалъ, вздохнулъ, и говорить:

«Еще въ молодости твоей приговорилъ я тебя служить у меня и общался, когда будешь мнѣ вѣрно и честно служить, не оставишь тебя и наградить. Ты служилъ мнѣ такъ, что дай Богъ и товарищъ такъ бы наблюдалъ за моими пользами. Спасибо тебѣ!

Никола низко поклонился.

«Пришла и моя очередь,» продолжалъ Алексѣй, «слово сдержать и отблагодарить тебѣ, Никола! Единственная моя радость на свѣтѣ, утѣха моя, счастье все.... единственное мое дитя, моя Галочка.... вотъ она!... возьми ее!... возьми — и меня... не покинь...! зарыдалъ громко и не могъ продолжать.»

«Какъ это... дядюшка?...» Никола спрашиваетъ, самъ блѣдный, трясется и боится, думая, такъ ли онъ слышитъ.

— Такъ, Никола!... будь мнѣ зятемъ!... Береги, уважай мою Галочку, что Богъ тебѣ посылаетъ въ

жену. Сдѣлай ее счастливою, и тебя Богъ не оставитъ!

«Не смѣтесъ ли вы надо мною?» едва могъ проговорить Никола.

— Это не смѣхъ и не шутка; это важный, святой часъ. Я, отецъ, имѣя на свѣтъ одно дитя, вручаю тебѣ его навѣки, надѣясь, что никто кромѣ тебя не сдѣлаетъ ее счастливою!...

Никола такъ и бросился къ ногамъ Алексѣя и началъ говорить:

Достойнъ ли я такой чести?... Я, круглый сирота... *ни роду, ни плodu*; вы меня поставили на ноги, вы меня къ разуму довели.... я васъ зналъ и почиталъ какъ отца роднаго!... Объ Алексѣевнѣ, вотъ объ Галочкѣ и думать никогда не смѣлъ!... Кто она и кто я, мизерный?... Смѣю ли?...

«Когда я вручаю тебѣ ее,» сказалъ Алексѣй, поднявши его отъ ногъ своихъ; когда я прошу тебя: будь моимъ сыномъ; сбереги мою Галочку!

Тутъ подошла Галочка, и какъ никто не ожидалъ, упала къ ногамъ Николинымъ.... тотъ силится лоднять ее, а она противится и просить его: Ни о

чемъ тебя не прошу , только будь ко мнѣ добръ, снисходителенъ!.. Не уважай, когда буду иногда грустна.... это пройдетъ. Я буду тебя покорна, буду уважать тебя; доведу до того, что ты, видя доброту мою, полюбишь меня!.... Не упрекай мнѣ, когда... иногда.... я и сама не знаю, какова буду! Не уважай тѣмъ, а доведи меня обращеніемъ своимъ и снисхожденіемъ, чтобъ я тебя.... черезъ тебя имѣла хоть маленькую отраду, меньше бы чувствовала свое горе! Прежде всего помолимся Богу святому, чтобы помогъ намъ жить, какъ я говорю; а послѣ поклонимся нашему панъ-отцу: пускай благословитъ насъ и молится за насъ, дѣтей своихъ!

Алексѣй снялъ со стѣны образъ; *молодые* начали молиться; Никола палъ предъ образомъ на колѣна и сказалъ: Петровичъ! или какъ вы мнѣ повелѣваете: панъ-отецъ! и вы, Алексѣевна! Вотъ вамъ Богъ милосердый; предъ Его образомъ присягаю вамъ: васъ, Алексѣевна, любить, уважать, почитать, не какъ мою жену, но какъ мою *господыню*, повелительницу... никогда и ни въ какомъ случаѣ не услышите отъ меня никакого противорѣчія, а тѣмъ болѣе досаднаго слова. Буду для васъ такой же работникъ, какъ былъ до сего часа. Вы имѣете надо мною волю; вы умнѣе меня, вы научайте меня во всемъ. Петровичъ! Я отца и матери не помню. Вы мнѣ ихъ замѣнили. Будьте же мнѣ какъ и были, хозяиномъ, благодѣтелемъ,

повелѣвайте мною точно также, какъ и во все время. Какъ радѣлъ о вашемъ имуществѣ, такъ и буду продолжать всегда. Вы будете покойны отъ меня во весь вашъ вѣкъ. Теперь, панъ-отче, благословите меня на начало, и я увѣренъ, что вы благословите меня и на исполненіе всего этаго!

Тутъ онъ и Галочка пали къ ногамъ отца.... Какъ плакала Галочка!

Алексѣй благословилъ ихъ на новую жизнь, и все прилично и хорошо приговаривалъ; просилъ Бога послать на нихъ милость Свою.

Потомъ посадилъ ихъ въ паръ, наставлялъ ихъ, какъ жить согласно, какъ уважать, какъ снисходить другъ другу.... долгонько обо всемъ имъ говорилъ.

Посидѣвши, сказалъ, что надобно приготовить; завтра свадьба.

Никола уже помогалъ тестю своему, въ чемъ нужно было. Припросили родныхъ, сосѣдей, для приготовленій. Галочка, въ чемъ душа, туда же съ ними хлопочетъ и все поспѣшаетъ, всѣхъ торопитъ, чтобъ скорѣе все дѣлали, какъ будто спѣшила къ счастью своему и боялась, чтобы кто не помѣшалъ.

У богатого и есть изъ чего, и есть кому все устроить; такъ и не мудрено, что къ завтраму все поспѣло.

Самые ближніе родные были прошены. Удивлялись, толковали, какъ это Алексѣй, такой богатый, однимъ-одну дочь и отдаетъ за своего работника и еще за бѣднаго! Лучше бы отдалъ—кто скажетъ—за купца; кто за поповича; а иной говорилъ: «можетъ бы, иной и панъ не погордился бы взять такую кралю, да съ такимъ богатствомъ! и много такого было говорено. Какъ же обдали ихъ и все хорошими платками и вышитыми рушниками, такъ они и замолкли и затихли, надѣясь послѣ погулять знатно, какъ обычай велить.

Принарядилася Галочка къ вѣнцу.... все просто; не надѣла изъ дорогаго ничего: ни плахты, ни наместа, а такъ, какъ прилично сиротѣ... Но какъ была хороша! Вотъ уже справедливо, что хоть на картинѣ написать!... Очень хороша была!... Но только тѣмъ чудно было видѣть ее, что какъ будто она была не-она! Глазки быстрые какъ будто горятъ; краска въ щочкахъ такъ и переливается; то вдругъ станетъ очень блѣдна.... то опять румянецъ вспыхнетъ. Пойдетъ проворно, даетъ порядокъ, всѣхъ торопитъ.... и вдругъ руки опустить, головку потупить, и гдѣ стоять, не знаетъ; что дѣлала, куда шла, все забудетъ!... Говоришь къ ней, она отвѣчаетъ не то; то

вдругъ смотритъ быстро на всѣхъ и какъ-будто удивляется, чего это люди сошлись и перевязанные платками и рушниками расхаживаютъ?... Оглядывается кругомъ, глянетъ на себя.... и помертвѣетъ!... Вотъ такая она была!

Вошелъ и Никола принять благословеніе... и что же? не надѣлъ ни той свиты, ни того жупана, что Алексій подарилъ его къ вѣнцу; а надѣлъ, хотя и хорошаго сукна, но простую, сѣраго сукна свиту, и прочее все было на немъ просто.

Зачѣмъ ты, Никола, не нарядился въ ту свиту, что тестъ подарилъ тебѣ? Такъ спрашивали его женщины: и жупанъ-было надѣть. — Не идетъ дѣло, отвѣчалъ Никола: меня беретъ панъ-отецъ изъ работниковъ, и я, батракомъ, въ своемъ видѣ, долженъ явиться передъ Господа Бога, и принявши отъ Него Галочку съ моимъ счастьемъ, тогда, черезъ нее, стать чѣмъ-нибудь лучшимъ. Теперь же я, самъ по себѣ, еще ничто!

И благословилъ же Алексій Галочку къ вѣнцу и проводилъ ее, точно какъ на кладбище!... А плакалъ точно какъ ребенокъ!... Тяжко было ему на душѣ, хотя исполняя дочернину волю; но какая эта воля ея была!... Это все равно, какъ бы она, выбравъ ножъ, просила бы именно этимъ ножомъ зарѣзать ее!

Шла бѣдная Галочка въ церковь скоро, быстро и все спѣшила; ни на кого не смотрѣла; никуда не оглядывалась.... Сама подошла къ вѣнцу; но какъ стала на подосланный рушникъ, окинула глазками вѣнецъ .. вострепнулась какъ рыбка, подняла глазки вверхъ... и слезы въ нихъ заблестали!...

Священнику отвѣтъ, что идетъ по своей волѣ, и что никому прежде не общалась, сказала твердо, громко.... Можно было справедливо заключить: что она ни дѣлала, приступая къ замужеству, подходя къ вѣнцу, все дѣлала словно не въ своемъ умѣ; а какъ будто особая сила какая управляла ею противъ ея воли. Душа, разсудокъ повѣлывали ей хотѣ погнѣбнуть, а не довести милаго человѣка до несчастной жизни, женясь на неровнѣ... такъ сердце не того желало! Оно крѣпко въ ней бушевало и хотѣло поставитъ на своемъ: хотѣ на годочикъ, хотѣ на мѣсяцъ, хотѣ на денечикъ узнать счастье, пожить съ милымъ, чего и онъ крѣпко желалъ!... и кто знаетъ? Можетъ, и не было бы ничего такого, чего боится душа!.... Вотъ съ такими-то мыслями все боролась Галочка... и вотъ онъ... чуть-чуть не побѣдятъ!... и побѣдили бы, если бы у нея былъ разсудокъ слабѣе и твердости меньше; какъ ни настойчиво требовало, какъ ни жалостно молило сердце, но не успѣло... И Галочка, отъ того, точно какъ свѣча горѣла, пока достаточно было воску: а какъ онъ догаралъ, такъ и свѣча гасла все болѣе и болѣе; такъ и она крѣпилась, что-

бы стало силъ окончить все; а тутъ за каждымъ словомъ, какъ отчитывали молитвы, то и она слово угасала; не нужно было ей уже твердости, все исполнила; и при последнемъ дѣйствіи, при обхожденіи около наоя, такъ она не смогла уже сама по себѣ итти, а шепнула подружкѣ, державшей вънецъ надъ нею: «Веди меня... я упаду!» И точно, если бы не подружка и еще одинъ изъ родныхъ, то она бы не могла итти!

Когда кончился вънецъ, и должно было класть поклоны, она уже и не поднялась сама!... Бросились къ ней, брызнули водою и кое-какъ привели ее въ чувство!... Уже не могла сама итти домой; Никола съ бояриномъ едва довели ее.

Какое же гулянье на такой свадьбѣ? Угостили ли, попотчивали ли чѣмъ родичей, а скорѣе ихъ и отпустили...

И что же? какъ ни странно выходила за-мужъ Галочка за своего батрака, имѣя множество жениховъ наилучшихъ и богатыхъ; и еще такъ поспѣшно, безъ сборовъ, безъ приборовъ, безъ всякаго веселья... знали и то, что еще отъ самаго поста часто прихаживалъ къ нимъ какой-то офицеръ, просиживалъ у нихъ цѣлые дни, и часто поздно вечеромъ возвращался—все это знали... и какая пища для злословія!... Но никакая худая слава не проходила про

Галочку: во-первыхъ потому, что очень хорошо знали ее, что она не приступила бы ни къ чему худому ни за *всѣ золотыя горы*; а во-вторыхъ, что тогда не умѣли поносить и порицать людей, язвить языками, а наиболѣе не касаться къ дѣвичей чести; никто не смѣлъ ни про одну дѣвушку выпустить и пол-словечка. Попробовалъ бы кто *сбрехнуть* на которую-либо, такъ бы всѣ и возстали на такого! Изъ *брехуновъ* повѣкъ бы не вышелъ. И старики, бывало, приказываютъ молодымъ: знаешь не знаешь, молчи; когда же навѣрное что знаешь, что самъ именно видѣлъ, то и тогда не смѣй разглашать, а скажи старшему въ своей семьѣ тихонько, когда что нужно предупредить; а нѣтъ? такъ и молчи-себѣ; дѣвичья слава, какъ бѣлое полотно: пылинка падетъ, и то видно. Чрезъ такой порядокъ, бывало, и дѣвки берегутся — Боже упаси! Смѣло можно сказать: не только въ сотнѣ, но между тысячею дѣвокъ, не было ни одной, которая бы забыла себя, не какъ теперь: проходя улицею, десятками насчитаешь! Святое дѣло, старина!.... Не уже ли она никогда не воротится?...

Прошло уже поболѣе двухъ недѣль, какъ Галочка вышла за Николу. Какъ вотъ, въ одинъ день, старый Алексѣй сидитъ въ хатѣ и читаетъ Четъ-Минею; Николы не было дома, пошелъ къ человѣку за дѣломъ. Галочка сидитъ у окна, собиралася шить рубашку мужу, покроила, а теперь и не разберетъ, что и куда слѣдуетъ... да, видно отъ того, и заду-

малась; сложила ручки на работу, головку склонила, и думаетъ... Да какая *гарная молодичка!* Уже точно нельзя было рѣшить: красивѣе ли она была дѣвкою, убирая голову длинными своими косами, да дорогами, золотыми сѣтками; или какъ теперь въ парчевомъ, золотомъ *очипкѣ*, что очень ей къ лицу: все такъ и глядѣлъ бы на нее! Хотя въ лицѣ и крѣпко похудѣла, и румянецъ на щочкахъ пропалъ; но все казалось, что ей такъ лучше, красивѣе было.

Какъ такъ сидятъ-себѣ, вотъ... колокольчикъ.... и ближе, все ближе... и какъ-разъ замолчалъ подлѣ хаты....

Галочка глянула въ окошко... «Охъ!» только и могла вскрикнуть; руки и ноги затряслись, едва встала... хочетъ спѣшить въ комнату... и съ мѣста не можетъ двинуться...

«Что тамъ такое?» спросилъ Алексѣй, худо слышавъ, что кто-то подѣхалъ.

—Онъ, таточка!... это онъ!... задыхаясь вскрикнула Галочка и бросилась въ комнату...

Тутъ, какъ-разъ, опрометью въ дверь.... и кто же? Семенъ Ивановичъ!...

«Здравствуй, мой любезный пріятель, Алексѣй Петровичъ!» крикнулъ Семенъ Ивановичъ, вбѣжавъ въ хату, и бросился обнимать его. «Каково поживаешь?»

— Спасибо Богу! отвѣчалъ Алексѣй, что и обрадовался увидѣвши его, а какъ вспомнилъ, что тутъ безъ него совершилось, такъ у него душа такъ и покатила, и не знаетъ, какъ ему и быть, и думаетъ: «Будетъ тутъ много шуму!»

«Гдѣ Галочка моя? здорова ли она? Уже теперь она совершенно моя! Вотъ, Петровичъ, привезъ тебѣ письма и отъ брата и отъ дяди моего, старшаго брата отца моего. Тутъ тебѣ всё доброе пишутъ. Такъ говорилъ Семенъ Ивановичъ.... сердечный! веселъ, говорливъ и не ожидаетъ надъ собою бѣды; сѣлъ на лавку и сталъ доставать тебѣ письма.

«Не безпокойтесь, Семенъ Ивановичъ!» сказалъ старикъ: письма прочтете послѣ... можетъ, вы желали бы видѣть Галочку?»

— На, панъ-отче, читай эти письма, а я побѣгу, отыщу Галочку, что, можетъ, и не знаетъ о моемъ пріѣздѣ. Отыщу и приведу къ тебѣ, а ты насъ благослови, какъ дѣтей своихъ. Теперь ни въ чемъ нѣтъ препятствія, и хотѣлъ-было бѣжать изъ хаты отыскивать Галочку... но Алексѣй остановилъ его, сказавши:

«Да не беспокойтеся; вы уже ее не найдете.... она сама къ вамъ выйдетъ... Галочка! выйди сюда, душка, на часокъ!»

Галочка вошла.... Семенъ Ивановичъ бросился было, какъ стрѣла, къ ней... но... увидѣлъ... она въ очипкѣ... его Галочка уже замужняя!!! Онъ такъ и затрепеталъ! Поблѣднѣлъ какъ мертвецъ.... и упалъ на столъ... вдругъ вскочилъ... и къ ней... «Галочка! что ты это сдѣлала?»...

«Семенъ Ивановичъ! сказала она, поклонившись и глотая слезы, что отъ сердца рѣкой текли и удушали ее. «Прежде всего, говорите со мною, какъ съ замужнею. Панъ-отецъ меня благословилъ, и я, по моей, самой твердой волѣ, вышла за человѣка честнаго, добраго; онъ меня любитъ крѣпко, уважаетъ и печется обо мнѣ. Послѣ этого, мнѣ неприлично ни слушать что отъ васъ, ни вспоминать что-либо; и самыя мысли намъ должно удалять отъ себя. Еще разъ пришлось мнѣ въ жизни сказать вамъ, и то уже точно въ послѣдній разъ: Прощайте! Все забудьте и самую мою любовь, заставившую меня рѣшиться на такой подвигъ для вашего спокойствія... Счастье вы еще найдете... а я...!!!»

Слезы совершенно залили ея слова.... Она, скорѣе, вбѣжала въ комнату, затворила дверь, и слышно было, какъ горько рыдала...

Долго Семень Ивановичъ, упавши на столъ, плакалъ, отъ сердца плакалъ... потомъ вскочилъ, обнялъ Алексѣя, поцаловалъ его и сказавъ: «благодарю тебя, Алексѣй Петровичъ, за дружбу твою... за все... здѣсь только я видѣлъ свое счастье!... теперь... прощай на вѣчные вѣки!...» ударилъ себя рукою въ голову и выбѣжалъ изъ хаты...

И точно: съ тѣхъ поръ они уже никогда его не видали и не слыхали о немъ вовсе ничего.

Выѣздивъ я, въ свой вѣкъ, мало ли по свѣту! Былъ и въ Зміевѣ, и въ Чугуевѣ; а въ другую сторону еще и того дальше. Прѣѣзжалъ Ахтырку, доѣзжалъ до Лубенъ, и въ Прилукѣ жилъ. Тамъ-то зналъ я этаго Семена Ивановича. Онъ уже вышелъ изъ военной службы. Злодѣи-Турки прострѣлили ему ногу и лѣвую руку отрубили.

Разъ лежали мы у него въ саду подъ липою и курили трубки. Тутъ я спросилъ его: «Отъ чего онъ такъ окалеченъ? Иной возвращается съ войны цѣлъ, здоровъ и даже порохомъ неокуренъ, хотя и рассказываетъ, что такіе и такіе города бралъ.»

— Отъ того, другъ мой, что я самъ искалъ смерти! — сказалъ Семень Ивановичъ, вздохнувши тя-

жело. — Не успѣла поджечь нога, я опять на-коня. Отрубили руку. Пока выльчился, заключили миръ... и замыслы мои все уничтожились.

«Зачѣмъ же вы искали себя смерти?» спросилъ я.

— Любовь! — отвѣчалъ онъ, вздохнувъ еще тяжелѣе и погрузился въ мысли. Потомъ началъ говорить: — Я такъ любилъ одну дѣвушку, далеко, въ Харьковъ, что чуть не сошелъ по ней съ ума! И было отъ чего! Любилъ ее неизъяснимо! Она была изъ простыхъ, дочь обывателя. Вижу, что я безъ нея не могу жить. Подумалъ — подумалъ.... что-же? Она меня любитъ.... А какъ была хороша, какой умъ имѣла, какъ здраво судила обо всемъ.... Я надѣялся скоро образовать ее, и она точно была бы рѣдкою женщиною.... Что же? Не захотѣла выйти за меня. А чтобы не увлечся любовью и моими убѣжденіями, такъ она въ отсутствіе мое, съ большимъ усиліемъ, принудила себя обвѣнчаться съ отцовскимъ работникомъ, чтобы удалить себя отъ меня, чтобы я, женись на ней, не подвергся стыду, нареканіямъ и всему прочему.

«Правду сказать: когда я увидѣлъ ее *молодицею*, женою другого, а не моею, то не знаю, какъ я на томъ же мѣстѣ не умеръ! И страдалъ же я долго! Одна тѣлесная болѣзнь продолжалась у меня болѣе

полгода. Потомъ я бросился подъ Турецкія сабли и пули — не убили. Возвратился домой, истерзался отъ тоски — и все за Галочкою! такъ звали любимую мною. Открылось намѣстничество; меня выбрали въ капитанъ-исправники. Вотъ, по неволѣ, сталъ я быть съ людьми. Далѣе, далѣе, не переставъ любить Галочки ни сколько, женился я для домашней семейной жизни, надѣясь найти гдѣ-нибудь спокойствіе, котораго нигдѣ не находилъ.... Я любилъ Галочку какъ-то необыкновенно! Другую не могъ такъ любить.... Ну, да нужды нѣтъ! вскрикнулъ онъ, вышедши изъ задумчивости и утерши слезу.... Жену мою ты знаешь: она хорошей фамиліи; душа у ней добрая; но бѣдная, и потому не получила образованія, требуемаго здѣшнимъ обществомъ, которое далѣе не хочетъ ничего видѣть.... Я былъ счастливъ женою, но увидѣлъ, что Галочка правду говорила, что люди, если узнаютъ, что моя жена изъ простыхъ, такъ съѣдятъ насъ. Когда вотъ моя хорошаго рода; но наши всѣ не принимаютъ ея, удаляются, презираютъ за то, что, отъ бѣдности, не такъ образована, какъ они. Родные мои туда же.

Конечно, мы смѣемся съ людской неправды, но иногда бываетъ прискорбно. Жена моя, по характеру своему, переноситъ все равнодушно. Но что было бы съ Галочкою, если бы на ней я женился? Она съ своимъ умомъ, съ чувствительностью, съ любовью

ко мнѣ, не перенесла бы униженія къ себѣ для меня и точно умерла бы!

Сякъ-такъ, я нахожу спокойствіе въ семьѣ своей. Жена, далѣе меня, ничего не желаетъ; лишь бы я былъ подлѣ нея, а прочее для нея ничто. Наградилъ насъ Богъ дѣтми, которыя, кажется, улаждаютъ мою старость. Всегда вспоминаю Галочку и благодаренъ ей отъ полноты души, что она предусмотрѣла все и отвратила отъ насъ обоихъ вѣчныя бѣдствія. Видно она больше людей знала, нежели я... А какъ любила меня!...

Тутъ онъ задумался и долго все думалъ; наконецъ сказалъ: «И воспоминанія горьки! Не облегчу ли я скорби своей, рассказавъ тебѣ все подробно?» И онъ рассказалъ мнѣ все, что у нихъ было съ Галочкою, въ Харьковѣ, на Гончаровкѣ. Потомъ заключилъ: какой же геройскій подвигъ ея! каково самоотверженіе! вотъ любовь!

Скоро послѣ того я возвратился въ Харьковѣ. По старой привычкѣ отправился ходить по улицамъ на Гончаровкѣ; хожу—и, ахъ, я тогда былъ еще молодъ! поглядываю на красивыхъ дѣвокъ, сидѣвшихъ, по случаю воскреснаго дня, у воротъ кучами. Далѣе проходя, вижу, сидятъ на присѣбѣ дѣвка и молодича... кромѣ того что молоденькія, но притомъ еще какъ были красивы! Однимъ словомъ, прелестныя!..

Трудно было рѣшить, которая изъ нихъ, молодница или дѣвушка, была прекраснѣе!...

Я, по молодымъ лѣтамъ и по старой привычкѣ, какъ замѣтилъ ихъ, такъ и остановился какъ вкопанный!... Стою, любуясь ими... и только! Повѣрьте слову. Какъ вотъ и отозвалась... женщина, не совсемъ старая, но уже подходящая къ пятидесятому году, потому-то я и не замѣтилъ ее, хотя она и сидѣла подлѣ нихъ и держала на рукахъ дитя. Вотъ она и спросила меня: «А чего вамъ, пѣночку, трѣба?»

Такой вопросъ меня смѣшалъ. Мнѣ ничего не было нужно, и я хотѣлъ только вдоволь наглядѣться на прелестныя, попавшіяся мнѣ на глаза, личики; но надо же было что-нибудь отвѣчать? Какъ-то мнѣ пришло на мысль, что я на Гончаровкѣ; а тутъ вспомнился и Семенъ Ивановичъ и Галочка; то я, что бѣ изворотиться, сказалъ: «мнѣ нужно бы узнать.... не знаетъ ли... кто...?»

«Кого?» спросила также женщина.

— Не знаетъ ли кто, гдѣ тутъ жила, а можетъ, и теперь живетъ Галочка, что была Таранцевна съ молоду, а теперь....

«А начто вамъ она?» усмѣхаясь, спросила она меня, и при томъ такъ быстро смотрѣла на меня....

Черные глаза ея... ну, правду сказать: въ молодости эти глаза были... ну, были!

— Да такъ... ничего. Передать ей нужно бы поклонъ отъ одного человека.

«Отъ кого же это?» и смутилась немного; потомъ сказала: «Просимо, паночку, до господы; пожалуйста въ хату; можетъ, и я что нибудь про нее вамъ скажу. Сидите же, доненьки, за воротами и выглядывайте отца. А ты, Наталка, сказала она молодицъ, отдавая ребенка: «возьми свое дитя, да не уходи домой, пусть мужъ придетъ за тобою. Пожалуйте.»

Нечего дѣлать, надо мнѣ идти за нею. Вошли. Вотъ она, усмѣхаяся, спрашиваетъ меня: «Кто же это пересылаетъ поклонъ къ Галочкѣ?»

— Можетъ быть, ты, пань-матка, и знаешь ее?» спросилъ я.

«Можетъ и знаю, когда скажете, отъ кого поклонъ.»

— Отъ Семена Ивановича, изъ-подъ Прилукъ.

«Я такъ и думала...» сказала и невольно придумалася, наклонивши голову; потомъ, вздохнувши, спросила: «А какъ онъ поживаетъ-себѣ?»

— Э! такъ вѣрно ты-то и есть Галочка? спросилъ я поспѣшно.

«Можетъ быть и я... Такъ онъ вамъ рассказывать про меня?» спрашивала Галочка, немного измѣняясь въ лицѣ.

— Про все рассказывалъ. Тутъ я говорилъ — какъ Семень Ивановичъ помнитъ ее, благодаренъ ей... И какъ разговорились, такъ она уже со всею откровенностію пересказывала мнѣ, что чувствовала и что перетерпѣла отъ самаго начала знакомства съ нимъ... «Я его любила крѣпко, продолжала Галочка: такъ любила, что для доставленія ему чего-либо полезнаго, я пошла бы на всякую муку!... Правду сказать, примолвила она тяжело вздохнувъ и взглянувъ на образъ: не малое мученіе и выходить за-мужъ, какъ я для его счастья выходила!.... Чтò я перенесла! Одинъ Богъ укрѣпилъ! Иду за-мужъ, и сама не знаю за кого и для чего иду! Точнехонько, какъ во снѣ была. Не понимаю ничего, чтò и для чего дѣлается; я сама тороплю всѣмъ. Одна мысль, когда я нѣсколько приходила въ себя, владѣла мною: спѣшить поставить преграду между мною и имъ... Я не приходила въ разсудокъ и вышедши за-мужъ... и вотъ явился Семень Ивановичъ... Я обдумала, что ему сказать при встрѣчѣ нашей, но не помню, что ему говорила и какъ оставила его... Ко мнѣ пришла жесто-

кая горячка; шесть недѣль я не вставала съ постели... Полагали, что я умру!

«И выздоровѣвши, я не была покойна. Мнѣ было очень тяжело, нестерпимо несносно все!... Тоска мучила меня.... Иногда я забывалась до того, что, глядя на мужа моего, не могла сообразить, что онъ за человѣкъ и отъ чего принимаетъ во мнѣ такое участіе? Только-было панъ-отецъ— пускай царствуетъ! разговорить меня, и я наплачусь въ волю, отъ чего мнѣ, хотя и становилось легче, но не надолго... Готова была умереть, сквозь землю провалиться, *свѣтъ за очами пойти!* Тяжко, тяжело мнѣ было!»

«Какъ вотъ Господь послалъ мнѣ сына. Пришлось-же такъ, что моего новорожденного назвали Семеномъ. Это мнѣ принесло какую-то радость. Я пожелала, чтобы Семенъ Ивановичъ былъ моему сыну воспріимнымъ отцомъ. Батенько послушалъ меня; а Никола, мужъ мой, тотъ и подавно! Онъ еще и теперь смотритъ мнѣ въ глаза, чтобы угадать, чего я желаю...»

«Вотъ Семенъ Ивановичъ, хоть и за глаза, хоть и не зная того, но былъ мнѣ кумъ, сталъ роднымъ мнѣ. Это меня даже веселило, я начала свободнѣе дышать, грусть находила на меня въ меньшей степени и не такъ уже часто. Маленькой Семенъ меня много утѣшалъ... я начала понимать, что мнѣ надобно

сберегать себя для него, а тамъ и еще родились дѣти... годъ отъ году я дѣлалась покойнѣе.»

«Не хочу скрывать предъ вами: часто думала о Семенѣ Ивановичѣ, вспоминала все наше знакомство, и казалось мнѣ, что въ то время, какъ я была съ нимъ, такъ я ходила не на этой землѣ, а на какой-то другой, на золотой, между прелестнѣйшими цвѣточками; казалось, что тогда и солнце яснѣе свѣтило, и только на насъ двухъ, и сіяя на насъ, подавало намъ радость и счастье! И что будто, послѣ такой блаженной жизни, я упала въ какую-то яму, гдѣ темно все, словно въ гробъ! Что дѣлалось со мною до времени, пока скорбь меня оставила, я не могла ничего порядочно привести на память.»

«Далѣе и далѣе, я болѣе образумливалась. Могла уже понять и разсудить, что у меня мужъ, добрый, честный; и какъ любить меня! уважаетъ, бережетъ во всемъ, пылинкѣ не дастъ пасть на меня!.. у меня сыночикъ, утѣха моя... Все это меня уже занимало, далѣе и далѣе — уже точно веселило. У меня уже и дочери: вы видѣли Наталку? Другой годъ за мужемъ, на Подоль; у нея и сыночикъ есть. Другая дочечка подрастаетъ и тоже будетъ красива. Говорять, что мои дочки по мнѣ пошли; въ большой славѣ, какъ и я... когда-то была!» примолвила Галочка, не много покраснѣвъ...

«Старшій сынъ, Семень, парень-друга. Дождемся будущаго года, женимъ его; другіе мальчики подростаютъ: кто ремеслу, кто грамотъ учится.»

«Батеньку похоронили, но уже тогда, какъ я стала на истинномъ пути. Онъ утѣшался внуками; веселился глядя, что я перемогла свое горе и живу въ счастіи, не боясь потерять его. Благословилъ насъ, что я не вышла изъ своей доли, и тѣмъ доставила ему покойную жизнь... съ тѣмъ онъ и скончался.

«Съ Николою мы живемъ, какъ дай Богъ и всякому! У насъ одна мысль, одна воля, одна душа! Не только брани, ссоры между нами, мы одинъ отъ другаго не слышали противорѣчущаго слова. Онъ и теперь почитаетъ меня не иначе, какъ прежнюю Галочку, дочь хозяина своего. Мы живемъ, трудимся, богатѣемъ, имѣемъ добрыхъ дѣтей, и за все хвалимъ Бога!»

— А часто ли вспоминаешь Семена Ивановича? спросилъ я.

«А какъ же?» отвѣчала она съ нѣкоторымъ удивленіемъ, означавшимъ вопросъ: «а отъ чего бы нѣтъ?» «всякій день молюсь за него, чтобъ Богъ послалъ ему счастіе за то, что онъ хотѣлъ меня, какъ думалъ тогда, сдѣлать счастливою. Теперь же, какъ услышала, что и онъ во всемъ счастливъ, то мнѣ стало

на сердцѣ весело. Утѣшаетъ меня и то, что онъ оцѣнилъ поступокъ мой, къ чему привела меня любовь!

— Кто научилъ тебя, Галочка, дѣвушка простая, безъ образованія, безъ свѣдѣній о свѣтѣ, кто научилъ тебя *такъ* любить? — «Вотъ любовь!»

Все это, до послѣдняго, истинная правда. Еще и теперь, въ Харьковѣ, на Гончаровкѣ, есть люди, которые слышали отъ отцовъ своихъ, а другіе и сами помнятъ Галочку и что съ нею это все происходило. Отца ея, Таранца, поуличному звали Литвиномъ. Дворъ его былъ на улицѣ Долгалева, что на Гончаровкѣ; большая часть двора отошла на площадь, гдѣ стоятъ конюшни жандармовъ; а другая часть занята дворомъ мѣщанина Головина, противъ двора Сыркова.

Основьяченко.